

Гу Нин, притаившись у двери, услышал главное: стоит ему избавиться от ребенка, как этот негодяй его бросит.

Для него это была отличная новость! Ему не терпелось вскочить и прокричать на весь мир, что его мучения наконец закончились.

Однако тело вовсе не разделяло этого восторга. Напротив, сердце пронзила невыносимая боль, словно он вновь оказался в пучине расставания. Не в силах вынести страданий, он присел на корточки, обхватив руками грудь. Вероятно, это тело еще не могло смириться с уготованной судьбой и теперь отчаянно горевало.

Вечером Гу Нин почти не притронулся к еде, которую прислал ассистент Чэн Сюя, — аппетита не было вовсе. Впрочем, он не придавал этому значения, ведь и раньше, когда на душе было тошно, он ел мало.

Когда вошел Чэн Сюй, Гу Нин лежал в кровати, листая ленту в телефоне, и поспешно закрыл все приложения.

— Тебе стало лучше? — Возможно, послушание этого дурачка пришлось ему по душе, и в голосе, обычно лишенном искренности, промелькнула редкая мягкость.

Гу Нин, лишенный своего прежнего ума, лишь кивнул и замолчал. Он слишком долго плакал днем, и глаза до сих пор были красными. Сидя на кровати, он бессмысленно смотрел на свои сцепленные в замок пальцы, а густые ресницы отбрасывали тень на лицо.

Чэн Сюй нахмурился. Ему показалось, что Гу Нин сегодня какой-то другой: не такой восторженный, как прежде, и не спрашивает, останется ли он на ночь. Раньше тот всегда этого ждал.

— Я сегодня останусь с тобой, рад? — Чэн Сюй погладил его черные, чуть вьющиеся волосы. — Ты ведь уже два дня не мылся, давай я помогу тебе принять душ.

В мыслях же он прикидывал: стоит только задобрить его и сделать операцию, как все проблемы будут решены.

Сегодня Чэн Сюй был невероятно нежен, до нереальности нежен. Но Гу Нин своими ушами слышал, что без ребенка он ему не нужен.

— Чэн Сюй... — Он открыл рот, и слезы хлынули из глаз. Он хотел спросить про тот телефонный звонок, но сейчас не мог вымолвить ни слова.

Чэн Сюя уже начинала раздражать эта плаксивость. Вечер шел так хорошо, и вот опять — кто это выдержит?

— Что случилось?

— Я... можно мне оставить его? — Хоть он и был не очень умен, но понимал: если ребенок останется, Чэн Сюю будет не так просто от него избавиться.

Неважно, настоящий этот ребенок или нет, он не хотел уходить от Чэн Сюя. Сейчас он просто хотел быть рядом с ним, что бы ни случилось.

Лицо Чэн Сюя, еще мгновение назад ласковое, тут же помрачнело:

— Нет!

— Я никому не скажу... я хочу оставить его, я не буду делать операцию... — Гу Нин всегда боялся его гнева, но в этот раз проявил удивительное упрямство. Это был первый раз, когда он так жестко отказал Чэн Сюю.

— Если ты действительно оставишь его, то, поверь мне, я брошу и тебя тоже!

Чэн Сюй никогда не думал, что этот дурачок окажется таким настырным, его терпение было на исходе.

Гу Нин замер. Красные круги вокруг глаз на его фарфорово-белой коже стали особенно заметны, а бледные губы делали и без того болезненное лицо еще более изможденным.

24. Я перееду к тебе.

Хотя он знал, что этот день настанет, услышать это лично от Чэн Сюя было невыносимо больно.

— Почему ты так со мной... — Он дрожащими губами продолжал глупо спрашивать, пока крупные слезы катились по щекам.

Чэн Сюй покупал ему одежду, дарил подарки на день рождения, сопровождал в больницу, когда он болел, и в минуты радости называл его братиком Нином. Все это стояло перед глазами, но слова о том, что он ему больше не нужен, прозвучали так легко. Как же он жесток!

Его большие глаза постепенно утратили фокус.

— Ты... не любишь меня... и не женишься на мне...

Гу Нин, казалось, что-то понял. Он бормотал это себе под нос, закрыв лицо руками, и рыдал, а слезы змейками стекали сквозь пальцы.

От этого плача у Чэн Сюя сжалось сердце. Он вдруг вспомнил, как Гу Нин стоял у окна, готовый прыгнуть вниз. Он подумал, что, возможно, слишком поторопился и сказал лишнее. Если Гу Нин и правда решит покончить с собой, то даже если он его не любит, брать грех на душу он не хотел.

— Я люблю тебя, братик Нин, но этот ребенок нам только мешает. Подожди, пока я закончу учебу, и мы заведем столько детей, сколько захочешь. — Он сел на кровать, притянул Гу Нина к себе и вытер слезы салфеткой.

Гу Нин молчал, лишь зарывшись лицом в его грудь.

— Не плачь. Если переживаешь, то сразу после операции мы пойдем и зарегистрируем брак.

Ради того, чтобы избавиться от ребенка, Чэн Сюй пошел на все. Красивые слова ничего не стоили, а брак был лишь приманкой, чтобы успокоить его.

Человек в его объятиях, кажется, снова поверил. Подняв голову, он всхлипнул и глупо

переспросил:

— Правда?

Сладкая ложь затуманила разум, он словно забыл, что ребенок был выдумкой.

— Правда. — Чэн Сюй улыбнулся и поцеловал его в уголок глаза. — Не плачь, хороший мой. — Он воспользовался моментом, навалился на него, прижимая к кровати, и его проворные руки проскользнули под одежду Гу Нина.

— М-м... — выдохнул тот, и его щеки залил нежный румянец.

— Я буду спать с тобой, — Чэн Сюй с улыбкой прижал к себе хрупкое тело, пребывая в отличном настроении.

На следующий день дежурный врач, увидев карту Гу Нина, был крайне удивлен и серьезно спросил Чэн Сюя:

— Вы уверены, что хотите провести эту операцию?

— Конечно! — недовольно ответил Чэн Сюй. Зачем бы он тогда привел его сюда?

— Вы меня не поняли, господин. — Врач указал на графу с группой крови. — У господина Гу редкая, отрицательная группа крови. Это очень ценный и специфический тип. Если сделать аборт при первой беременности, то при последующих высока вероятность развития гемолитической болезни плода. Иными словами, все будущие дети могут погибать в утробе. Есть еще одна серьезная проблема: в нашей больнице запас такой крови ограничен. Если во время операции начнется сильное кровотечение, мы не сможем вовремя перелить кровь, что грозит летальным исходом. Кроме того, господин Гу может навсегда утратить способность к деторождению.

Чэн Сюю потребовалось несколько секунд, чтобы осознать услышанное. Он недоверчиво переспросил:

— Вы уверены?

Молодой врач кивнул:

— История болезни не может ошибаться. Если вы готовы взять на себя все риски и получили согласие господина Гу, операцию можно провести, но как врач я вам ее не рекомендую.

Прежде чем Чэн Сюй успел среагировать, Гу Нин отпрянул. В конце концов, этот ребенок был ненастоящим. Но он понял, что операция очень опасна, что после нее он, возможно, никогда не сможет иметь детей, и врач сказал, что делать ее не стоит. А если он не сможет родить, Чэн Сюй на нем не женится. К тому же, в коридоре он слышал, что после операции его бросят.

— Я... я не хочу... — Его большие глаза были полны ужаса. Он вцепился в край одежды Чэн Сюя, жалобно умоляя.

У Чэн Сюя разболелась голова. Если бы он знал, что так выйдет, не стоило было вбивать ему в голову идеи о браке по залету. Кто бы мог подумать, что на свете бывают мужчины, способные

забеременеть!

— Доктор, мы решили: ребенка не оставляем, сделайте операцию. — Чэн Сюй подтолкнул Гу Нина вперед. — Он тоже согласен.

Этого ребенка нельзя было оставить ни при каких обстоятельствах.

Врач нахмурился:

— В таком случае подпишите согласие на операцию. — Молодой врач сохранял бесстрастное лицо, но про себя выругался, назвав Чэн Сюя подонком.

Гу Нина подтолкнули вперед. Чэн Сюй вложил ему в руку ручку и стал уговаривать:

— Сделаешь операцию — и мы поженимся. Подписывай, я тебя не обманываю.

Любой бы понял, что это ложь: кто станет использовать брак как разменную монету для аборта?

Гу Нин держал ручку, его рука дрожала. Его заставляли делать операцию, даже когда он не был беременным, а мысли о том, что он никогда не сможет иметь детей, наполнили глаза слезами. Он вдруг бросил ручку, бросился в объятия Чэн Сюя, обхватил его за пояс и, подняв голову, дрожащим голосом взмолился:

— Я буду слушаться тебя во всем, только не делай операцию... умоляю... позволь мне оставить его... Я буду хорошим...

Врач рядом не выдержал:

— Если господин Гу лично не согласен, мы не можем назначить операцию. Прошу прощения.

Чэн Сюй холодно сбросил руки со своей талии. Только он хотел что-то сказать, как зазвонил телефон. Увидев имя Сюй Чжаовэнь, он нахмурился еще сильнее.

— Чэн Сюй, я сейчас у тебя у дверей! Сюрприз! — едва ответив, услышал он возбужденный голос.

— Что?! — Чэн Сюй не мог в это поверить.

— Что такое? Ты не рад? — заворковал на том конце Сюй Чжаовэнь. — Не злись, я приехал составить тебе компанию и не уеду сегодня, хорошо? Где ты? Скорее возвращайся и открой мне дверь!

— Ты останешься у меня на ночь? — Голова Чэн Сюя разболелась еще сильнее. — Хорошо, жди меня, я скоро буду.

Он направился к выходу, не обращая внимания на Гу Нина. Все навалилось разом, и настроение становилось только хуже. Убедить дурачка избавиться от ребенка быстро не выйдет, но у него были и другие способы. А сейчас важнее всего, чтобы Сюй Чжаовэнь не узнал о существовании Гу Нина.

Гу Нин решил, что Чэн Сюй его бросил, и побежал следом, стараясь не отставать. На бегу он споткнулся и упал, но Чэн Сюй даже не обернулся, и ему пришлось поспешно подниматься самому.

На парковке Чэн Сюй повернулся и ледяным тоном бросил:

— Сегодня ночуй в больнице.

Сказав это, он сам открыл дверцу машины. Гу Нин, услышав, что его оставляют, в испуге бросился к нему, просунул руку в щель двери и случайно прищемил ее.

— А-а... — от резкой боли его лицо, размером с ладонь, стало мертвенно-бледным.

— Ты что творишь? — Чэн Сюй поспешно распахнул дверь. Он решил, что этот дурак просто сошел с ума. К счастью, он не сильно хлопнул дверью, иначе...

— Не бросай меня... я буду слушаться... — Гу Нин, казалось, не чувствовал боли, лишь закусил губу, умоляя его. Страх быть брошенным был сильнее физической боли.

Видя, что тот готов на членовредительство, Чэн Сюй, опасаясь, что в больнице тот натворит бед, неохотно согласился.

— Сегодня придет мой однокурсник. Если спросит, кто ты — помни: ты просто мой домработник, понял? — Чэн Сюй пристегнул его ремнем безопасности и холодно добавил.

25. Чего ты в конце концов хочешь?

— Почему? — тихо спросил Гу Нин. Его большие глаза были полны недоумения. Боль от прищемленной руки прошла, а ресницы все еще были влажными, вид у него был крайне послушный.

— Я еще учусь. Что подумают однокурсники, если узнают о наших отношениях? Меня могут отчислить. Поэтому пока это должно оставаться в тайне. — Чэн Сюй с самым серьезным видом нес полную чушь. Он пользовался добротой дурачка, сгущая краски. На самом деле, когда школу строили, клан Чэн вложил немало денег и имел долю, так что Чэн Сюй в школе мог делать что угодно, и никто не осмелился бы ему помешать.

Услышав, насколько все серьезно, Гу Нин поспешно закивал. Он подумал, что Чэн Сюй его искренне любит, раз рискует отчислением ради того, чтобы быть с ним. Теперь он поклялся быть еще послушнее и не создавать проблем.

Спустя десять минут машина плавно въехала на территорию элитного жилого комплекса. Сюй Чжаовэнь ждал у входа. Увидев Гу Нина, он на секунду замер, но тут же взял себя в руки и вежливо улыбнулся:

— Это...

— Домработник. — Чэн Сюй мельком взглянул на Гу Нина и, пройдя мимо него, направился к Сюй Чжаовэню. В голове крутилась мысль: нельзя допустить, чтобы Сюй Чжаовэнь остался здесь на ночь, иначе не оберешься проблем.

— Вот как... — Сюй Чжаовэнь задумчиво кивнул. Он уже слышал от кузена об этом домработнике — раньше Чэн Сюй спал с ним. При этой мысли в его глазах мелькнула тень, которую он тут же спрятал.

Гу Нин, опустив голову, следовал за ними.

Квартира была просторной — четыре комнаты, отличный район, шикарный ремонт. Чэн Сюй постоянно ныл Сюй Чжаовэню, что это жилье — полная дрянь, худшее место, где ему приходилось жить. Теперь стало понятно, что «дрянь» в понимании господина Чэна сильно отличается от общепринятой.

В спокойных на вид глазах Сюй Чжаовэня читались иные чувства: он предвкушал тот день, когда станет полноправным владельцем всех активов Чэн Сюя.

— Места мало, но потерпи. Если захочешь есть — попроси домработника, он приготовит, — Чэн Сюй похлопал его по плечу. — Не стесняйся, чувствуй себя как дома.

— Здесь очень хорошо, — Сюй Чжаовэнь надул губы и добавил: — Там, где ты, везде хорошо. — Он намеренно прижался к Чэн Сюю, не обращая внимания на присутствие Гу Нина.

— Иди приготовь обед, — Чэн Сюю пришлось отослать его, а затем он затащил Сюй Чжаовэня в свою комнату. Им не хотелось, чтобы Гу Нин видел их нежности — потом пришлось бы снова врать, а это лишние хлопоты.

Сюй Чжаовэнь пришел в ярость: Чэн Сюй затащил его в комнату, боясь, что этот тупой дурак увидит? Стоит ли какой-то дурак того, чтобы о нем беспокоиться? Этот мир просто смешон.

— Что с тобой сегодня? — Сюй Чжаовэнь подавил гнев, улыбнулся и обвил шею Чэн Сюя руками. — Ты выглядишь так, будто не рад моему приходу. — Он опустил глаза и прямо спросил: — Ты что, влюбился в этого домработника?

У Чэн Сюя сердце ушло в пятки:

— Что за глупости? Мне его просто жаль. Как только ему станет лучше, я дам ему денег и вышвырну. — Он обнял его за талию. — А потом ты переведешься сюда, и мы будем наслаждаться жизнью вдвоем.

— Правда? — Ответ его удовлетворил, он просиял и потянулся поцеловать Чэн Сюя в губы. Скоро лето, домработника выгонят, и все препятствия исчезнут. К тому же, говорят, у того еще и с головой не все в порядке!

— Скоро обед... — Чэн Сюй отстранился от страстного поцелуя, тяжело дыша. На самом деле, сейчас он не хотел близости. Непонятно почему, но к Сюй Чжаовэню он не испытывал такой непреодолимой тяги, как к Гу Нину. Чэн Сюй решил, что, возможно, просто пресытился Гу Нином.

Но Сюй Чжаовэнь не собирался отступать, действуя напористо и атакуя самые чувствительные места. Вскоре Чэн Сюй с глухим рычанием перехватил инициативу, прижал Сюй Чжаовэня к стене, лишая возможности пошевелиться.

Когда Гу Нин ворвался в комнату, он увидел, как двое целуются, не в силах оторваться друг от друга. Он остолбенел. За привычной болью в сердце последовали две горячие струйки слез.

Душа была не такой, но тело реагировало именно так! Гу Нин был в отчаянии: он всего лишь хотел сказать, что обед готов. Пользуясь тем, что интеллект еще при нем, он вытер слезы и поспешно вышел, чтобы не видеть этой «удручающей» картины.

Поскольку это была западная кухня, много времени не потребовалось. На этот раз была паста с соусом, украшенная нарезанными фруктами и овощами. Интеллект Гу Нина страдал только при Чэн Сюе, а в присутствии других все было нормально, вот только тело не слушалось. Иногда ему становилось грустно: может, в прошлой жизни он натворил дел, и это расплата?

Паста вышла вкусной, оба ели с удовольствием. Рецепт соуса Гу Нин перенял в прошлой жизни у шеф-повара известного ресторана, с этим блюдом он даже побеждал на конкурсе. Сюй Чжаовэнь не упустил случая наколоть вилкой помидор черри и покормить Чэн Сюя:

— А-а, открывай рот...

Гу Нина, наблюдавшего за этим, передернуло. Мурашки по коже в сочетании с сердечной болью — ощущение не из приятных! Он понял, что дольше оставаться здесь нельзя, иначе его тело заработает сердечный приступ, и он здесь же и отдаст концы.

Но стоило ему повернуться, чтобы сбежать, как сзади раздался вежливый голос:

— Господин Гу, верно? Вы ели? Садитесь с нами.

Господин Гу? Гу Нин дернул щекой и обернулся:

— Нет... не нужно... я уже ел. — Ему было плохо, и лицо его выражало муку.

— Оу. — Сюй Чжаовэнь кивнул и улыбнулся: — Тогда будьте добры, принесите мне стакан воды.

Гу Нин на словах согласился, но про себя выругался. Неужели ему даже нельзя побыть в стороне от этой парочки?

Гу Нин налил стакан теплой воды и поставил перед Сюй Чжаовэнем. Тот отпил глоток и поморщился:

— Не могли бы вы принести погорячее? У меня желудок больной.

Чэн Сюй, доев, элегантно отложил столовые приборы:

— Сходи принеси еще.

Сюй Чжаовэнь был слаб здоровьем, желудок у него действительно был слабый, Чэн Сюй ничего не заподозрил.

Гу Нин глубоко вздохнул, закатил глаза там, где они не видели, и налил горячей воды.

— Спасибо. — Сюй Чжаовэнь мягко улыбнулся и, когда протягивал руку, намеренно разжал пальцы. — А-а... горячо! — вскрикнул он, когда кипяток пролился ему на тыльную сторону ладони. Стакан разбился, разлетевшись на осколки. На нежной коже мгновенно выступило красное пятно.

— Покажи? — Чэн Сюй бросился к нему, бережно поддерживая руку, его лицо было мрачным.

— Поехали в больницу. — Если ожог серьезный и помешает будущим соревнованиям, это будет катастрофа.

Сюй Чжаовэнь ничего не сказал, нахмурившись и глядя на свою руку. Лицо его побелело, и через несколько секунд на нежной коже выступили волдыри. Выглядело это жутко, ожог был нешуточным.

26. Раскрытие карт

Гу Нину стало дурно. Он же видел, что Сюй Чжаовэнь взял стакан, прежде чем разжать пальцы.

— Мозгов нет, так еще и руки кривые? — Холодный взгляд Чэн Сюя резанул Гу Нина по самому сердцу.

Да не нарочно он! Кто же знал, что Сюй Чжаовэнь специально выпустит стакан? Этот спектакль с самопожертвованием был разыгран слишком искусно. Гу Нин про себя признал, что даже он в прошлой жизни не был настолько жесток.

Сюй Чжаовэнь потянул Чэн Сюя за край одежды:

— Все в порядке, это я не удержал стакан. — Затем он бросил на Гу Нина страдальческую улыбку: — Не принимай близко к сердцу, Чэн Сюй просто очень волнуется за меня.

Сказав это, он тихо вскрикнул от боли, по его лицу катился холодный пот, вид был крайне хрупким и беззащитным.

Гу Нину хотелось подойти и врезать ему, но он заставил себя сдержаться — иначе план этой «белой лилии» сработал бы, и он окончательно превратился бы в злодея, который намеренно вредит невинному.

Чэн Сюй, видя состояние Сюй Чжаовэня, встревоженно спросил:

— Снова болит? Поехали в больницу. — Про себя он подумал: Сюй Чжаовэнь во всем хорош, вот только слишком добр и мягок. По сравнению с ним неуклюжий Гу Нин вызывал лишь раздражение. Если бы не то, что он с ним спал, он бы давно вышвырнул его за дверь.

После того как они ушли, Гу Нин долго не мог прийти в себя, сидя на корточках. Сейчас его мучили гнев, сердечная боль, боль в груди, печени — болело все тело! Подонок и «белая лилия» скрылись, а ему пришлось убирать осколки. Денег не хватало, приходилось терпеть — работа домработника приносила хоть какие-то гроши.